
Глава 9.

1903 год

Супруг сестры царя Ксении Александровны великий князь Александр Михайлович был моряк. Хотелось быть набольшим в Империи моряком, а именно генерал-адмиралом. Но пост был занят великим князем Алексеем Александровичем, родным дядею царя. Было признано справедливым компенсировать Александра Михайловича. Не представлялось возможным сделать его главою военного флота. Решили возглавить им торговое мореплавание. Соответствующего отдельного ведомства не существовало. Для Александра Михайловича его создали — царским рескриптом на имя великого князя, помимо Государственного совета, которому, между тем, принадлежало обсуждение всяких вообще предложений об учреждении не только целых ведомств, но и отдельных должностей.

Так создалось Главное управление торгового мореплавания и портов в составе канцелярии и двух отделов, образованных из соответствующих делопроизводств Министерства финансов (той его части, которая ведала дела промышленности и торговли) и Министерства путей сообщения (по портовому управлению). Были переданы в новое ведомство и подчиненные влившимся в него частям министерств местные учреждения¹.

Новому министру понадобился товарищ. Рекомендован был и в январе 1903 г. назначен товарищем к великому князю статс-секретарь Департамента государственной экономии Государственного совета Сергей Васильевич Рухлов. Рекомендовал Коковцов.

На место Рухлова был переведен Тецнер, а к нам назначен статс-секретарем из Министерства финансов Николай Николаевич Покровский, с должности вице-директора Департамента окладных сборов. Это был первый случай назначения вице-директора на статс-секретарскую должность, по рангу соответствовавшую должности товарища министра. Государственная канцелярия нахмурилась. Но Коковцов, хорошо знавший Николая Николаевича по его службе в Министерстве финансов и правильно его оценивший, был стократ прав, остановив свой выбор на Покровском и проведя его на пост статс-секретаря. Выдающиеся способности будущего государственного контролера, впоследствии министра иностранных дел, его исключительная образованность, ум и громадная

трудоспособность снискали ему на первых же шагах службы в Государственной канцелярии всеобщее уважение. А его скромность, приветливость и доброта завоевали ему и всеобщие симпатии. Не смог только усидеть при нем на своем месте князь Дмитрий Петрович Голицын (Муравлин). Покровский был настолько его моложе, что при всей тактичности Николая Николаевича, ни в малейшей степени не проявлявшего себя начальником не только по отношению к князю, но и к канцелярской молодежи, самолюбие князя все-таки страдало от сознания формальной подчиненности такому молодому статс-секретарю. С другой стороны, назначение Покровского через голову князя, бывшего в то время первым по старшинству помощником статс-секретаря, особенно подчеркивало всю безнадежность дальнейшего продвижения Дмитрия Петровича по Государственной канцелярии. Этим, конечно, князь был обязан только и только самому себе, ибо, лишь снисходя к делам Государственной канцелярии, он настолько всегда поверхностно и нехотя занимался ими, что совершенно не был подготовлен к должности статс-секретаря. За всем тем оставаться ему было тяжело. Это было понятно. И князю удалось устроиться членом совета министра народного просвещения. На его место был назначен начальник отделения канцелярии Комитета министров Николай Леонидович Петерсон, впоследствии директор канцелярии, а потом помощник заместителя на Кавказе. Петерсона же перевели в Государственную канцелярию из канцелярии Комитета министров потому, что место его понадобилось, *чтобы при первом случае быть продвинутым на должность помощника управляющего делами комитета*, недавно перед тем женившемуся на дочери В. К. Плева Н. И. Вуичу, бывшему до того одним из обер-секретарей Сената.

С Покровским меня связывали общие друзья и соседство по Ковенской губернии. Мы давно знали друг друга понаслышке. Но до этого случая, когда он совершенно неожиданно оказался назначенным моим начальником, ни разу еще не встречались.

Встретившись с Покровским, трудно было вообще с ним не сойтись. Связывавшая меня с ним общность интересов особенно располагала к сближению. Оно быстро укрепилось между нами. И много способствовало ему то обстоятельство, что совершенно случайно мы друг к другу подошли и методами, и формами работы. Она завязалась у нас согласная, дружная. Встретившись зимою, мы сразу заговорили о лете в Ковенской губернии и заранее обещались друг друга летом посетить.

* * * * *

В начале весны в суде слушалось дело Шабельской по обвинению ее в ряде мошенничеств, которые она учинила, используя свою связь с В. И. Ковалевским. Фигурировали векселя с подложной подписью Ковалевского. В достаточной степени скандальное дело основательно нашумело в печати и в обществе. Его злорадно подхватила оппозиция Сергею Юльевичу Витте, чтобы сломить ближайшего и талантливейшего его помощника, да кстате лишний раз ударить по самому министру финансов. Скандал, дискредитировавший его сотрудника, использовался, чтобы скомпрометировать самого Сергея Юльевича.

Атака, в связи с усилением оппозиции, была основательная. Чтобы отсрочить собственное свое падение, Витте пожертвовал Ковалевским. Владимиру Ивановичу пришлось уйти в *чистую* отставку. Он никогда не мог простить этого Витте. Но он был неправ. Если бы Витте не уступил, то пришлось бы уйти обоим. Ковалевский все равно не мог бы остаться.

В преемники ему Витте провел Василия Ивановича Тимирязева, бывшего в то время финансовым агентом в Берлине. По поводу этого назначения Витте говорил: «Они (оппозиция) добились удаления человека талантливого, умного и *остроумного*, полного *кипучей* энергии и *творческой* инициативы. Я им дам взамен деревянную куклу, от одного взгляда на которую мухи со скукидохнут».

Незадолго до отставки Ковалевского министром финансов был внесен в Государственный совет законопроект о страховании рабочих². Назначено было дело к рассмотрению вскоре после ухода Владимира Ивановича. Защищать проект явился Витте. Воспользовавшись случаем, чтобы опровергнуть распространившуюся клевету о том, будто Витте сам предал Ковалевского, отводя лично против него, Витте, направленный удар, тогда как Ковалевского персонально никто будто бы и не думал ломать, Сергей Юльевич заявил соединенным департаментам, что он извиняется за недостаточную подготовленность к представлению объяснений по подробностям проекта. «Их должен был доложить Государственному совету только что оставивший свой пост по обстоятельствам, от меня не зависевшим, — подчеркнул С. Ю. Витте, — мой товарищ».

Подготовленность на самом деле оказалась, разумеется, полная. Витте возвращался к делу, которое пытался провести еще в царствование Александра III и от которого тогда отказался лишь вследствие проявленного им малодушия, как он сам охарактеризовал причину своего отступления, перед противодействием всемогущего советника царя К. П. Победоносцева. Витте повторил — на что не раз указывал — что Александр III по этому поводу ему заметил: «Напрасно вы отступили; я бы вас поддержал». «Я был тогда неопытен, — продолжал Сергей Юльевич, — но теперь не отступлю. Теперь отступать нельзя. И без того я вношу предлагаемую меру со значительным опозданием». Действительно, страна стояла в ту пору уже перед *правильно* организованным, *широко* распространенным и быстро возраставшим революционным движением на фабриках и заводах. Оно перекидывалось из города в деревню, вглубь страны, особенно в тех местностях, в которых крестьянство терпело земельный голод. Витте обрушился с резкою критикою на действия Министерства внутренних дел. Как известно, ведомство это уже несколько лет перед тем завело свою оригинальную агентуру в лице продававшихся ему предателей и провокаторов из революционных кругов. Оно думало через посредство их овладеть движением и, овладев, парализовать³. При этом не отдавало себе отчета в том, что закупленные им лица, чтобы отвести подозрения товарищей, работали не только на него, но и на революцию, и на последнюю едва ли не больше, чем на него. Министерство внутренних дел играло с огнем. В этом отношении и во многих других, в препятствовании всяким разумным, умеренным домогательствам общественных организаций, всяким начинаниям других ведомств, направленным к предотвращению революции, Витте находил «поддерживавшийся Министерством внутренних дел порядок хуже всякого беспорядка». «Революцию, — продолжал министр, — надо предотвращать своевременными мерами, устраняющими повод к недовольству

революционно настроенных масс. Предлагаемая мера не только диктуется требованиями справедливости, но и преследует именно эту цель. Касается она наиболее восприимчивого ко всяким революционным учениям общественного слоя фабрично-заводских рабочих. И надо эту меру провести!»

После этого общего выступления Сергея Юльевича Витте, дополненного некоторыми другими его соображениями преимущественно детального свойства, с возражениями министру от лица крупной промышленности выступил сам заводчик-фабрикант князь Александр Дмитриевич Оболенский. Прерывающимся от волнения голосом, *глубоко вдыхая и выдыхая воздух, от чего слово выливалось в рыдающий звук*, князь бессвязно, нескладно нес самого его конфузившую чепуху. Дело все-таки сводилось к тому, что не хотелось поступиться частицей прибылей на уплату причитавшейся по проекту с нанимателя доли страховых взносов за рабочих.

Задача Александра Дмитриевича выступить застрельщиком оппозиции по данному проекту была вообще неблагоприятная. А его багаж возражений был настолько скудный, что, быстро его исчерпав, он увял и, красный от волнения и конфуза, сел на свое место. Витте не удостоил его ответом. Лениво развалившись в кресле, он рассеянно слушал выступавших одного за другим прочих оппозиционеров. Все они по неубедительности их бессодержательных доводов были отменно жалки. После настожившего внимание *блестящего* вступительного слова Сергея Юльевича сановная аудитория стала скучать.

Диверсию внес приглашенный в заседание для дачи объяснений мой двоюродный брат, директор Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин. Свойственный ему мальчишеский темперамент, лишавший его сплошь и рядом чувства меры, занес его и на этот раз. Не испросив инструкций своего принцепала В. К. Плеве, Алексей Лопухин стал болтать о том, что происходило на самом деле, но раскрывать что *во всей обнаженности* отнюдь не входило в виды Министерства внутренних дел. Слово «революция» не сходило с языка Алексея Лопухина. Он напугал старцев Государственного совета до полусмерти. Скука прошла. Старцы жадно ловили каждое его слово. Витте ^аликвал^а. Враждебное ему ведомство лило воду на его мельницу. Мало того, настаивая на наличии революции à *outrance*^b, сотрудник В. К. Плеве утверждал предпосылку к брошенному министру внутренних дел политическим его противником Сергеем Юльевичем Витте обвинению в том, что насаждаемый Плеве порядок хуже всякого беспорядка.

Сенсация была произведена значительная. Перепуганные старцы ходили к председателю Государственного совета вел<икому> князю Михаилу Николаевичу. Решено было на следующее заседание пригласить В. К. Плеве. И великий князь, сам встревожившийся не на шутку, обещал, что и он придет на заседание соединенных департаментов послушать Плеве. Обычно вел<икий> князь присутствовал и председательствовал только в общих собраниях Государственного совета.

Памятно мне это заседание. Большое стечение членов Государственного совета. Михаил Николаевич расположился в сторонке на одном из маленьких диванов, расставленных вдоль боковых стен зала заседаний. По левую руку от председателя Чихачева, рядом с ним, сел Плеве. Алексей Лопухин на этот раз вызван не был.

^{а-а} Вписано вместо: «чуть-чуть улыбался».

^b В преувеличении (фр.).

«В предшествовавшем заседании, — начал Плеве, — соединенным департаментом были представлены объяснения о внутреннем положении в империи директором Департамента полиции. Освещение им этого положения не воспроизводит действительной его картины и не отвечает тем совершенно точным сведениям, которыми я располагаю в исчерпывающей полноте. Как мне передавали, было произнесено слово, которое я лично не произношу за отсутствием к тому поводов. И не могу произнести иначе, как с чувством глубокого отвращения. Это слово — революция. Надо называть вещи своими именами. А в нашей действительности отсутствует то, что разумеется под этим понятием. Происходят, правда, время от времени бьющие по нервам *возмутительные* террористические акты. Убийство министра. Убийство губернатора. Но они не характеризуют того, что разумеется под тем неудачно произнесенным словом. Акты эти врываются в жизнь, мгновенно нарушая мирное ее течение. Но оно столь же мгновенно восстанавливается. Они не вносят глубоких потрясений. Не оставляют возмущенной стихии. Напрашивается сравнение с гладкою поверхностью пруда, мирно покоящегося в своих берегах. Брошен камень. Поверхность возмущена. От места падения камня разбегаются концентрические круги все меньшей волны по мере удаления от места возникновения, и замирают у берегов. Перед нами вновь спокойное зеркало пруда. Так и в нашем положении. Нет элементов, способных не то чтобы разрушить, но и поколебать наши освященные веками устои. Нет поводов для опасений. И мы лишь не гарантированы, по крайней мере, на ближайшее время, от повторения единичных политических преступлений».

Так говорил В. К. Плеве всего примерно за год перед тем, как был в клочья разнесен бомбою Сазонова, и за два года перед лишь не опознанными в качестве подлинной революции революционными событиями 1905 г. Но Плеве не был искретен. Он знал, конечно, все и более того, что знал Алексей Лопухин. И выводы последнего были, конечно, выводами самого Плеве. Самые эти выводы, очевидно, делались по докладам и на докладах директора Департамента полиции министру внутренних дел. Но Алексей Лопухин по свойственному ему легкомыслию выболтал то, чего не хотел высказывать его начальник. Плеве же, ведя определенную политику и естественно желая, чтобы вести ее ему не мешали, за лучшее и испытанное к тому средство почитал трафаретные заверения: по вверенной мне части все обстоит благополучно.

Плеве успокоил Государственный совет. Ему была тут же заявлена благодарность присутствовавших за «ценные и вполне убедительные» разъяснения, и соединенные департаменты перешли к обсуждению подробностей проекта. Вел<икий> князь Михаил Николаевич и Плеве удалились. Удивительным представляется, что Плеве, определенно дисквали<фи>цировав Алексея Лопухина, притом в таком высоком собрании, как Государственный совет, все-таки оставил его в должности.

* * * * *

Однако впоследствии А. Лопухину все-таки пришлось «пострадать». До сих пор не изгладилось из памяти современников нашумевшее в свое время «дело» А. Лопухина. Чтобы не возвращаться к А. Лопухину, посвятим ему тут

же, в отступление от хронологического изложения, несколько опережающих события строк.

А. Лопухин, делавший хорошую карьеру благодаря связям отца и его отношениям к бывшим сослуживцам Н. В. Муравьеву и В. К. Плеве, был продвинут последним с видной уже должности прокурора Харьковской судебной палаты на пост директора Департамента полиции. Плеве сделал этим назначением большую ошибку, оказавшуюся для него роковой. Алексей Лопухин был способный человек, но крайне легкомысленный, чрезвычайно себя переоценивавший и глубоко беспринципный. То он просвещенный либерал, то распинается против института суда присяжных и требует коронного суда. Сегодня он руководит Департаментом полиции. Происходят еврейские погромы. В них общественное мнение усматривает если не прямую инициативу департамента, то умышленное попустительство. Назавтра А. Лопухин обвиняет департамент в погромной деятельности за то самое время, в течение которого был его директором. В должности директора пользуется услугами Азефа в качестве заведомого провокатора. А потеряв службу и будируя правительство, разоблачает в Азефе провокатора. Если беспринципность и почиталась совместимой с руководством Департаментом полиции, то легкомыслие и переоценка себя очевидно были для этого дела непригодны. Удивительно, что такой осмотрительный человек, как Плеве, эти недостатки А. Лопухина проглядел. В конце концов он их обнаружил, но поздно. Легкомыслие же А. Лопухина было совершенно мальчишеское. Переоценка своего значения — просто глупая, не вязавшаяся с несомненной природной сметкой. Кружилась голова. *И лалял моською на слона.* В еще скромной должности прокурора Петербургского окружного суда, при наличии на месте старших лиц прокурорского надзора — прокурора судебной палаты и генерал-прокурора в лице министра юстиции, пытался сразиться сначала с градоначальником генерал-адъютантом Клейгельсом, а потом с комендантом Кронштадта адмиралом Макаровым. Оба раза был вынужден, конечно, позорно отступить. Между тем, если имелся повод, то воздействия мог бы добиться через свое начальство. Дни Плеве были сочтены. Он был, конечно, обречен революцией. За всем тем существовала призванная его оберегать охрана. И охрана была вверена директору Департамента полиции. Остается невыясненным, сознательно ли А. Лопухин вел дело к тому, чтобы освободилось кресло министра внутренних дел, мечтая, кто знает (вождедения честолюбца беспредельны), самому сесть на это кресло, или просто не сумел солидно организовать охрану. Плеве был убит. Привлечение А. Лопухина на пост директора Департамента полиции оказалось роковым для Плеве. После его убийства положение А. Лопухина поколебалось. Последовавшее же вскоре убийство вел<икого> кн<язя> Сергея Александровича карьеру А. Лопухина прикончило⁴. Директоров Департамента полиции было принято, и смещая их, обхаживать и щадить. Слишком много они теряли и на высоком содержании, и положении, если не поднимались выше. И в то же время слишком большими располагали секретами, *чтобы можно было не считаться с возможностью выдачи ими этих секретов из мести за нанесенную обиду.* Поэтому минимум, на который мог рассчитывать спускаемый директор, было назначение в Сенат. А. Лопухин был назначен эстляндским губернатором. Это было уже явной немилостью. Но и на губернаторском посту Лопухин не удержался, проявив крайнюю растерянность в дни революционных событий 1905 г. Пришлось вовсе

оставить службу. У власти был С. Ю. Витте, который помнил учиненную за ним шпионскую слежку и перлюстрацию его корреспонденции Департаментом полиции, когда его директором был А. Лопухин в дни министерства Плеве. Связывал со сосредоточенным вниманием Департамента полиции на своей особе и произведенное на него покушение попыткой взрыва в доме Сергея Юльевича на Каменноостровском проспекте наискось от «Аквариума»⁵. Прибывшему в Петербург, еще не знавшему о своем увольнении А. Лопухину министр внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте П. Н. Дурново с первых же слов, не здороваясь, заявил: «Вы уволены по прошению». — «Я прошения не подавал...». — «Все-таки, вы уволены по прошению». Увольнение без указания причин было равносильно выдаче волчьего паспорта. Поэтому формула увольнения «по прошению» как-никак смягчала суровость принятой меры. Некоторое время спустя в газетах появилась заметка о ведении А. Лопухиным по поручению Департамента полиции каких-то таинственных переговоров с пресловутым Гапоном. Выходило, что А. Лопухин опустился до роли простого агента Департамента полиции. После поступил на частную службу. По появлении у власти Столыпина у А. Лопухина что-то с ним произошло. Они были близки в годы юности. И была и родственная связь через Оболенских. Думается, что А. Лопухин обратился к Столыпину с просьбой восстановить его на государственной службе в высших должностях, и Столыпин отказал. Тогда появляется в газетах открытое письмо А. Лопухина к Столыпину с разоблачениями погромной деятельности Департамента полиции. Столыпин возмущен. *Устанавливается определенно отрицательное его отношение к А. Лопухину.* Идут разговоры об ожидающих А. Лопухина репрессиях. Но к ним не прибегают. Инцидент с письмом ликвидируется без репрессий. Позже происходит не имеющая никакой связи с этим делом таинственная история с дочерью А. Лопухина, отправившейся с гувернанткой в поездку в Англию. Получается оттуда известие, что в Лондоне дочь А. Лопухина какими-то людьми похищена и куда-то заточена. Догадки строятся всевозможные. Говорят, что это дело рук революционеров. Высказывается и предположение о романтической подкладке этого случая. А. Лопухин сломя голову летит в Англию. Дочь, столь же неожиданно, как пропала, водворяется к нему. В Лондоне происходят какие-то встречи А. Лопухина и ведутся им какие-то беседы с революционерами. Связываются с предметом этих бесед предшествовавшие его встречи и разговоры с Бурцевым. Следуют разоблачение Азефа А. Лопухиным, арест А. Лопухина, предание его суду и ссылка его в Сибирь, где он долгое время бедствует, потом оправляется, получив частную службу от заинтересовавшихся его судьбою банкиров-евреев⁶. Возвращения его из ссылки добивается обращенною к царю личною просьбою брат А. Лопухина Дмитрий Александрович Лопухин — в ту пору полковник Генерального штаба, командир одного из армейских кавалерийских полков, командовавший впоследствии, во время войны, *в чине генерала* гвардейским Конно-гренадерским полком и на войне убитый⁷. А. Лопухин возвращается в Петербург и устраивается на службе в частных банках. Потом перебирается в Москву, в отделение Сибирского банка. Резюмируя сказанное об А. Лопухине, нельзя прийти к благоприятным для него выводам. Его поступки и дела рисуют его личность во всяком случае в невыгодном свете. И в нашумевшем его деле с разоблачением Азефа отнюдь нет признаков идейного мученичества, совершенно неправильно и тенденциозно некоторыми усмотренного в этом деле. Сводится оно к злобному,

сколь и легкомысленному сведению личных счетов с властью, которой А. Лопухин не без удовольствия в свое время служил, за то, что она, эта власть, впоследствии *совершенно* заслуженно его выбросила, по несоответствию А. Лопухина занимавшейся должности. А ранее им были произведены попытки шантажирования этой власти. Заслуги перед революцией? Менее всего сознательные. Что побуждало А. Лопухина к ним? Симпатии к революции? Нет. Простой перебег ошибшегося в расчетах приказчика от одного хозяина к другому.

* * * * *

Из дел протекавшей сессии Государственного совета в памяти сохранилось еще одно — это проект положения об учреждениях мелкого кредита, давший красочный пример расправы Сергея Юльевича Витте с его оппозицией⁸.

Тактикую ее было нагромождать возражения на всякое предложение министра финансов. Задача эта была крайне неблагодарная. Так как очень умный министр выдвигал предложения продуманные и основательные, то возражения оппозиции не могли не быть в существе совершенно слабыми. Не укреплял их и ложный пафос, в который они облекались. Тем легче было умному и к тому же редко находчивому министру удивительно спокойно, без малейшего напряжения начисто сметать бездарную оппозицию *в беспощадном ее лаге обезумевших шавок на невозмутимо шествовавшего своею дорогою слона*.

Речь зашла о порядке ревизии учреждений мелкого кредита на местах. Исходя из особенностей кредитного дела, при котором малейший повод к недоверию к кредитному учреждению со стороны вкладчиков может его поставить в критическое положение, и имея в виду, что самый факт ревизии может явиться поводом к заподозрению благополучия учреждения, если не будут соблюдены все необходимые предосторожности, проект министра финансов вверял ревизию только совершенно компетентным и опытным в кредитном деле финансовым органам. Оппозиция требовала предоставления права ревизии учреждений мелкого кредита местной административной власти, по распоряжениям губернаторов. Член Государственного совета, бывший губернатор барон А. А. Иксуль фон Гильденбандт указывал, что изъять проектируемые местные учреждения, хотя бы и кредитные, от надзора местной власти лишением последней права ревизии этих учреждений значило бы умалить значение губернского начальства, дискредитировать его в глазах местного населения. Говорили на эту тему и другие бывшие администраторы, отстаивая ту же точку зрения. Но с особенным пафосом эту тему подхватил и развил товарищ министра внутренних дел Александр Семенович Стишинский — он говорил и о колебании престижа, и о подрыве власти, и о принципиальной недопустимости предположения финансового ведомства.

Витте дал оппозиции выпустить весь заряд своей артиллерии⁹.

Когда Стишинский кончил, Витте его поблагодарил за то, что своею речью он удержал его, Витте, от необдуманного шага. «Хорошо, что я не высказался, — пояснил Витте, — до того, как заговорил Александр Семенович. Ведь я готов был уступить. А теперь уже ни в каком случае не уступлю. Я все-таки допускаял, что

⁹ Далее в рукописи следуют пять строк, закрашенных чернилами.

у губернской власти существует какое-нибудь понятие о кредитном деле. А в таком случае, почему бы и не допустить эту власть до ревизии мелкого кредита? Но после речи Александра Семеновича мне стало ясно, что я ошибался. Ведь из этой речи видно, что Александр Семенович не только ничего абсолютно о кредитном деле не знает, совершенно его не понимает, но никогда и не думал о нем! А ведь Александр Семенович — человек высокого служебного положения, большого государственного опыта, товарищ министра внутренних дел, бывший товарищ государственного секретаря. И он ничего, так-таки ничего в кредитном деле не понимает. Чего же можно ожидать от губернаторов? Теперь, благодаря Александру Семеновичу, я совершенно убежден в том, что им ни в коем случае не может быть предоставлено право ревизии мелкого кредита. И от этого я уже не отступлюсь. Лучше возьму свой проект назад, как бы остро ни ощущалась на местах надобность в проектированной мере».

Стишинский сидел красный как рак. И вся оппозиция застыла в бессильном молчании. В лице Стишинского и ей была дана «по способу наведения» совершенно недвусмысленная квалификация.

* * * * *

Но Витте доламывали более сильные влияния. Работало под его председательством и руководством образованное по его же инициативе Собрание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, ближайшей задачей которого ставилось разрешение земельного крестьянского вопроса⁹. В собрании видное место Витте уделил представительству земств. Земцы вносили в работу собрания поддерживавшиеся министром финансов определенно либеральные по тому времени тенденции. Они, конечно, шли вразрез с реакционным курсом Министерства внутренних дел. В разрезе с его политикою находилось и то, что Витте вел обсуждавшийся, по мнению министра внутренних дел — вовсе еще не назревший, вопрос к определенному разрешению. Политика же правительства в то время была такова, что когда подобный вопрос выдвигался жизнью более или менее остро, то созывалась комиссия будто для его разрешения, а на самом деле для похорон. Обществу давалось понять, что правительство не спит, а действует. Работает комиссия. Следовательно, вопрос будет разрешен. Но так как признавалось, что разрешить его вовсе не следует, то комиссии придавалась лишь видимость работы. Ее запутывали сетью ведомственных противоречий. Люди просиживали часы, дни, месяцы и годы в бесплодных словопрениях. Нагромождались речь за речью. Все записывалось. Редактировались и печатались журналы. Выделялись подкомиссии, в свою очередь печатавшие обширнейшие труды. Они складывались на полки. Общество уставало ждать. Внимание его отвлекалось другими злободневными вопросами, и данный вопрос на время забывался. Комиссия, не придя ни к какому определенному решению, похоронив вопрос, сама себя вслед за ним хоронила. Такая тактика признавалась мудрейшей. И вдруг беспокойный министр финансов задумывает и в самом деле разрешить, да еще радикальнейшим образом, такое вовсе к тому же неподведомственное ему преждевременное дело по связанной с ним ломке налаженного порядка, как земельный крестьянский вопрос. Плеве представлялась возможность, — как по-

казали последствия, им использованная^a, — убедить царя, что затея министра финансов не только радикальная, но и опасная по самому способу обсуждения: вредно само по себе вовлечение в работу совещания земских деятелей, способное внедрить в них преждевременные надежды и внести смуту в их умы¹⁰.

Безобразовцы со своей стороны усилили свои атаки против Витте, выставляя его перед царем в качестве гасителя всякой не в нем зародившейся творческой мысли, деятеля, уже пережившего самого себя, растерявшегося перед грандиозностью планов царя по экспансии на Дальнем Востоке, не способного отвечать этим планам и потому их тормозящего. «Адмирал Тихого океана», как льстиво называл царя в то время император Вильгельм, *когда пытался чего-нибудь от него добиться*, в этих последних доводах почерпнул силу для увольнения Витте.

В августе ^bВитте^b был назначен на совершенно безличный в ту пору пост председателя Комитета министров¹¹.

На его место был посажен весьма посредственный управляющий Государственным банком Плеске — длинный, тонкий, худой. Он уже был болен, когда оказался призванным в преемники Витте. По-видимому, непосильность задачи заменить столь яркий талант налегла на бедного Плеске таким тяжким бременем, что, фактически не вступая в должность, проболев, он через каких-нибудь 5–6 месяцев скончался. *Он все-таки успел переехать с Екатерининского канала, где помещался банк и в нем квартира управляющего банком, в казенную квартиру министра финансов на Мойке. Этим он дал повод неким остроумцам подивиться в стихах удивительному происшествию, как один петербургский канал «доплексался» до параллельного ему другого. И на этом лишь зиждется уже у немногих сохранившаяся память о Плеске.*

* * * * *

В августе же 1903 г. состоялись учреждение на Дальнем Востоке и назначение наместником адмирала Алексеева¹². Дело определенно шло к войне. Но она расценивалась обществом как эвентуальность совершенно ничтожного значения: где-то на краю света, с кем — с японскими макаками! Министерство иностранных дел никакого ровно влияния на политику нашу на Дальнем Востоке не имело. Ее вели безобразовцы, подчиняя своей бесстыдной и безумной воле царя. С учреждением наместничества Министерство иностранных дел перестало служить даже передаточной инстанцией для сообщения распоряжений по делам Дальнего Востока. Царь сносился с Алексеевым через свою дальневосточную канцелярию, составленную из безобразовцев. Граф Ламздорф узнавал о том или ином распоряжении *post-factum*, а о многом и вовсе не узнавал. Другой министр, пожалуй, подал бы в отставку. Но Ламздорф рассуждал, что в России неограниченного самодержавия внешнюю политику ведет царь. А как он ее ведет, в это входить не дело верноподданного министра¹³.

^a Совещание было вскоре распущено, не окончив своей работы (*Прим. авт.*).

^{b-b} Вписано вместо: «талантливнейший в истории императорской России министр финансов».

* * * * *

Еще весною предпринял поездку в Японию военный министр Куропаткин¹⁴. Посланник наш в Токио барон Розен доносил о таившем в себе непосредственную угрозу войны крайне тревожном настроении Японии в связи с нашими действиями в Корее и Маньчжурии. Куропаткину поручалось: проверить правильность этой информации, разъяснить государственным деятелям Японии сущность нашей политики на Дальнем Востоке и отсутствие в ней факторов, нарушающих японские интересы (?), установить взаимные между Россией и Японией доверительные отношения и тем ликвидировать самую возможность их столкновения, ознакомиться попутно с наличием японских вооруженных сил и со степенью подготовленности Японии к войне с Россией.

Первые три поручения поражают своею наивностью. Дело шло о том, кому, выражаясь мягко, «хозяйничать» в Корее и Маньчжурии. Японцы хотели поделиться, выговаривая себе исключительное право хозяйничанья в Корее и предоставляя Маньчжурию России. Мы же хотели хозяйничать и там, и тут, ограничивая японцев в Корее и вовсе не допуская в Маньчжурию, из которой упорно не выводили наших войск после боксерского восстания, несмотря на многократные торжественные наши обещания Китаю. Не стоило посылать человека из Петербурга в Токио, чтобы констатировать недовольство японцев такою нашею политикою и их желание защищаться. Невежественно было настолько недооценивать выдвинувшую высокий интеллект быструю цивилизацию Японии и издревле присущие японскому народу сметливость и хитрость, чтобы считать возможным втереть японским государственным деятелям очки и заставить их верить, что, грабя сама, под носом Японии, на Ялу, устроив там подлинно разбойничьи безобразовские заставы, стремясь захватить всю Северную Корею и корейские железные дороги, Японию же в Корее ограничивая, а в Маньчжурию вовсе не пуская, Россия не нарушала этим японских интересов¹⁵. Трижды наивно было рассчитывать на доверие Японии к нам, когда на ее многократные просьбы поделиться, отказом от Кореи, мы упорно продолжали наш корейский разбой, систематически отделяваясь уклончивыми ответами, раздражая этим Японию и тем ее толкая на увеличение ее притязаний. И, по-видимому, нами было совсем забыто, что занятые Россией в 1898 г. Порт-Артур и Талиенван были ведь не чем иным, как в свое время вырванными Россией же, при поддержке Германии и Франции, плодами японских побед над Китаем в войну 1894–1895 гг., и что, все-таки, Япония задыхалась в тесноте своих островов.

Возвращаясь к данным Куропаткину поручениям и останавливаясь на четвертом, заключавшемся в том, чтобы ознакомиться с военной мощью Японии, раз уже дело дошло до признания решительно всеми эвентуальности войны, а очень многими — ее неизбежности, следует заметить, что лишь это последнее поручение являлось действительно дельным.

По части первых трех поручений Куропаткину пришлось лишь констатировать и без того очевидную правильность донесений барона Розена. К попыткам убедить японцев в том, что наша политика не противоречит их интересам, и добиться их доверчивого отношения к ней Куропаткин, как умный человек, вероятно, и не приступал. Что же касается последней задачи — выяснить военные силы Японии и степень ее подготовленности к войне, то в этом отношении Куропаткин

дал себя японцам постыднейшим образом одурачить. Он ничего не увидел и не узнал. События показали, что силы Японии были весьма внушительные и подготовленность полная. Если бы военный министр их не проглядел, то, быть может, успел бы предупредить катастрофу, настояв на прекращении безобразовских разбоев и на нашем отказе от посягательств на Корею. Но он все проглядел. И не были достаточно убедительно представлены им царю ни наша неподготовленность к войне на столь отдаленном плацдарме, ни весьма эффективная помощь к подготовке войны с Россией, оказывавшаяся японцам в первую очередь Англии, а также другими иностранными державами, заодно с Японией восстановленными против нас вследствие нарушения Россией в Маньчжурии принципа открытых дверей¹⁶.

* * * * *

Лето я провел в Ковенской губернии. Побывал у Покровского под Кейданам в его маленьком имении Борткунишках, познакомился с его женою Екатериною Петровною и тремя сыновьями, тогда еще в раннем детском возрасте. И Николай Николаевич посетил нас в имении моей тетки Кайлаве. Оставался дня три. Восхищался видами красавицы Дубиссы в ее гористых и лесистых берегах, в глубине живописной широкой долины. Мы много гуляли. Много беседовали. Удивительно располагал к себе этот добрый, умный и всесторонне образованный человек. Особенно подкупали его ясная простота и *абсолютная* естественность.

По возвращении в Петербург мы продолжали работать во все возраставшем вследствие взаимного понимания контакте. Но вскоре совместная работа наша оборвалась. В декабре от воспаления в легких неожиданно скончался Сергей Константинович Тецнер. Покровский был переведен на его, более ответственный пост статс-секретаря Департамента государственной экономии. К нам был назначен статс-секретарем, из помощников статс-секретаря другого департамента, Александр Григорьевич Тимрот. *Я был с ним знаком, в свое время встречаясь у упоминавшегося в настоящих записках сенатора Александра Дмитриевича Свербеева.*

* * * * *

В конце декабря, заходя в Министерство иностранных дел за материалами для «Сборника консульских донесений», я столкнулся в дверях с выходящим из них вице-директором Второго департамента Альфредом Карловичем Бентковским. «Eh bien, cher ami! Ça sent en plein la poudre»^a. Сердце упало. Внезапно интуициею я прозрел войну. И несчастную войну. Охватило предчувствие великих бедствий.

^a «Ну вот, приятель! Здесь уже всюду пахнет порохом» (фр.).